

Г. В. Крети́нин

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Критическому анализу подвергнута статья аспиранта В.В. Рубашкина [6]. Отмечаются как фактические, так и тематические и смысловые ошибки, допущенные в работе и влияющие на содержание публикации. Обращается внимание на необходимость более строгого подхода к использованию исторических документов.

The article is a critical review of the PhD student V. Rubashkin's research work. There are numerous factual, thematic and logical mistakes which affect the content of his research work. Special attention is paid to the necessity of a wider use of historical documents.

Ключевые слова: система государственного управления, военные комендатуры, военные коменданты, документы, Кёнигсберг, Калининградская область.

Key words: state administration system, commandant's headquarters, commandants, documents, Koenigsberg, Kaliningrad region.

В Вестнике БФУ им. И. Канта, №1 за 2017 г. (серия «Гуманитарные и общественные науки») опубликована статья В.В. Рубашкина, посвященная зарождению системы советской государственной власти на территории Калининградской области [6, с. 46–52].

Необходимо отметить, что молодой ученый обратился к одной из самых сложных тем, исторически, юридически и хронологически связанных с появлением советской власти на территории нынешней Калининградской области. Естественно, не менее сложными следует считать также политические, экономические и непосредственно военные аспекты темы.

Вынесенная в заголовок тема в региональной истории исследовалась неоднократно и, казалось бы, подробно (например, [1, с. 43–51; 2, с. 440–450; 5, с. 443–463] и др.). Однако, как показывает историографический опыт, до недавнего времени проблема применения и действия норм военного права в Кёнигсберге и прилегающем к нему районе в 1944–1945 гг. в советской и российской истории должного отражения пока не нашла. По разным причинам. В советское время чаще всего — по политическим, в более позднее — вначале из-за определенной утраты интереса к особенностям строительства нового государственного механизма на примере Калининградской области, затем из-за появления ограничений, связанных с защитой в архивных делах личных данных, и т. д.

И все же процесс познания движется, чему является свидетельством и статья В.В. Рубашкина. К сожалению, пока назвать опубликованный

материал успешным вряд ли возможно. Более того: текст, помещенный на страницах журнала, свидетельствует о поверхностном подходе аспиранта к той проблеме, о которой ему захотелось рассказать читателям.

У специалистов вызовут недоумение выбранные хронологические рамки исследования: апрель — июнь 1945 г. То, что нижняя граница выбрана просто безграмотно, мы покажем ниже. Верхняя же граница вообще ни о чем не говорит. Прежде всего, в самом тексте статьи июнь 1945 г. не упоминается вовсе, не говоря уже о том, что в этот месяц ничего значимого не произошло в регионе, не имевшем названия (так, кстати, и было на самом деле: это не территория Восточной Пруссии, естественно, не Кёнигсбергская область, название появится позже). В Потсдаме будет звучать: «Город Кёнигсберг и прилегающий к нему район» [7, с. 491]. Автор статьи с такой конструкцией знаком, но почему-то использует ее без какого-либо выделения.

Более того, в Потсдаме речь шла о территории, отходящей к СССР, которая включает и Мемельский край. В.В. Рубашкин же использует упомянутую конструкцию, обозначающую территорию, на которой была образована Кёнигсбергская область в составе РСФСР. Как можно понять из текста статьи, включающую и Мемельский край, что, конечно, неверно. Тут был бы уместен юридический комментарий к двойному казусу: о безымянном регионе и о том, куда делся Мемельский край из состава безымянного региона.

Сам заголовок статьи начинается словом «Создание». Такое начало излишне категорично, ибо существительное «создание» означает результат действия — это то, что создано. Другими словами, по мнению В.В. Рубашкина, система государственного управления несуществующей областью была создана за 2,5 месяца (начало фиксировано — 10 апреля 1945 г. [6, с. 47]).

Следом за заголовком идет аннотация к статье, включающая в себя всего два предложения, которые свидетельствуют о том, что автор совершенно не знал, о чем в ней надо писать. Так, в первом предложении он сообщает: «Проанализирован процесс формирования системы...». Используется совершенная форма глагола: *проанализировано* то, что было создано. Во втором предложении аннотации наблюдается подтверждение подобного утверждения: сообщается, что «была *исследована* деятельность военных комендатур и Временного гражданского управления...»

Без малого два десятка лет я занимаюсь историей военных комендатур 3-го Белорусского фронта в Восточно-Прусской операции (и аспирант ссылается на три моих публикации), но не могу сказать, что исследование завершено. А аспирант, ничтоже сумняшеся, утверждает, что он смог!

А вот еще формулировка во второй части второго предложения: «...на территории Калининградской области в первые месяцы после штурма города Кёнигсберга» [6, с. 46]. Но Калининградская область появляется на карте (любой: физической, политической, прежде всего, и т.д.) только летом 1946 г.

Основное же замечание будет заключаться в том, что молодой исследователь обнаружил незнание истории процесса, о котором он пи-

шет. В тексте статьи он сообщает: «...фактически данная территория (имеется в виду "Кёнигсберг и прилегающие к нему районы". — Г.К.) перешла под контроль СССР после окончания штурма города и крепости Кёнигсберга 9 апреля 1945 г.» [6, с. 47]. Восточно-Прусская операция завершилась, оказывается, 9 апреля 1945 г.!? Это ничего, что оставалось разгромить дееспособную группировку немцев на Земландском полуострове и только 25 апреля взять Пиллау, что бои на косе Фришинг продолжались до 9 мая 1945 г. Именно с 10 апреля 1945 г., сразу после взятия Кёнигсберга, по мнению аспиранта, началось создание на новой территории системы государственного управления.

В качестве основного аргумента для определения начала этого процесса использовался Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», которым вся власть на местах, оказавшихся на военном положении, передавалась военным советам и военному командованию. Создается впечатление, что В.В. Рубашкин поверхностно ознакомился с содержанием одного из первых (если не первого) Указа военного времени в советском государстве. Этот Указ никакого отношения к созданию военных комендатур, предтечи будущих органов государственного управления в сегодняшней Калининградской области, не имел. Более того, он предназначался исключительно для территории СССР (или отдельных местностей страны), а исследуемые события разворачивались на территории другого государства [8].

А вот о Постановлении Государственного Комитета Обороны от 29 июля 1944 г. надо было сказать обязательно. И автор должен был знать о нем, так как пользовался материалом статьи, в которой об этом Постановлении идет речь. Статья была опубликована еще в 2011 г. [3, с. 67].

В Постановлении говорилось о создании военных комендатур в преддверии вхождения советских войск на территорию другого государства, в частности, Польши. Тем более что вскоре советские войска вступили и на территорию Германии, в районе восточнопрусских городов Ширвиндта, Эйдткунена, Шталлупёнена.

В октябре 1944 г. советские войска заняли в Восточной Пруссии территорию, равную 4,2 тыс. км² (почти четверть территории нынешней Калининградской области). На ней и были созданы первые органы государственной (естественно, военной) власти — комендатуры, которые обеспечивали в военном отношении наступающие части Красной армии и вели работу с оставшимся на занятой территории немецким населением. Военные комендатуры возникали и функционировали не стихийно, а в планомерно-распорядительном порядке. Они потом, уже в мирное время, влились в гражданские органы управления. Таким образом, началом формирования государственно-правовой системы на территории нынешней Калининградской области следует считать октябрь 1944 г. [4, с. 151].

А что же тогда происходило 10 апреля 1945 г.? Автор статьи пишет, что к этому дню в Кёнигсберге «сложилась структура военных комендатур» всех уровней.

Ничего подобного! Структура не «сложилась», как бы сама собой. Она была определена директивой штаба фронта 30 марта 1945 г., а изменения в нее вносились, опять же в приказном порядке, вплоть до 9 апреля, последнего дня штурма города [3, с. 72, 73].

Интересно, что молодой ученый произвольно экстраполирует действия Кёнигсбергской городской комендатуры по руководству районными и участковыми военными комендатурами, располагавшимися на территории города и подчинявшимися городской, на комендатуры в других городах и населенных пунктах занятой территории. Он пишет: «Первоначально именно данные органы осуществляли управленческие функции на территории будущей Калининградской области» [6, с. 47]. Но это совершенно не так.

В.В. Рубашкина вводит в заблуждение внутреннее районирование города Кёнигсберг. Да, Кёнигсберг территориально был поделен на восемь районов, в каждом из которых имела своя военная комендатура. Но замыкались они на городскую, или центральную, комендатуру [2, с. 441; 4, с. 155].

Восемь районных комендатур были органичными составными частями, подразделениями городской комендатуры в Кёнигсберге. На остальной занятой советскими войсками территории региона формировались свои городские или районные комендатуры. Военные власти по факту приняли довоенное немецкое административно-территориальное деление на города и районы, естественно, без уточнения границ между территориальными образованиями. Так появились городские комендатуры в Тильзите, Инстербурге, районные в Пилькалене, Лабиау, Гердауэне, военно-морская в Пиллау и т. д.

Примечательным является в этом плане формирование военно-морской комендатуры в Пиллау. Она имела свои участки в городе (порт, крепость и железнодорожная станция) и в ближайших населенных пунктах побережья [4]. Эта комендатура относилась к военно-морскому флоту, затем военно-морскому министерству и была полностью самостоятельна по отношению к комендатурам 3-го Белорусского фронта вообще и к Кёнигсбергской комендатуре в частности.

Все комендатуры, за исключением Пиллауской (и Кёнигсбергская, и провинциальные), подчинялись в военном отношении отделу по работе с военными комендатурами (отдел базировался в г. Тапиау, его возглавлял полковник Лобанов). Естественно, особым статусом пользовалась Кёнигсбергская комендатура [4, с. 154].

Недопонимание подобных принципов организации военного управления привело автора к должностной путанице, появлению и наделению функциональными и дифференцированными обязанностями «заместителей военного коменданта по гражданскому управлению» и «заместителей районных военных комендантов по гражданскому управлению» [6, с. 50], хотя это одни и те же лица.

Как юрист, Н.Н. Рубашкин должен был сразу обратить внимание на несоответствие в терминологии таких документов, как Постановление Военного совета фронта №028 от 10 мая 1945 г. и приказа военного коменданта города №021 от 11 мая того же года.

В частности, в Постановлении речь идет об организации в Кёнигсберге *временного гражданского управления при комендатуре города* (курсив мой. — Г.К.). Однако в п. 1 этого Постановления говорится о «создании в городе Кенигсберге при комендатуре города *Временного управления по гражданским делам* (курсив мой. — Г.К.)». Есть расхождение? Конечно. Нужны комментарии? Обязательно. Тем более что в приказе №021 от 11 мая говорится о необходимости «*сформировать при Управлении военной комендатуры Кенигсберга временного управления по гражданским делам*» (курсив мой. — Г.К.).

Казалось бы, речь идет об одном и том же: о создании органа по обеспечению жизнедеятельности местного (немецкого, прежде всего) населения. Однако подобные разночтения дали основание квалифицированному юристу считать, что условиями жизни немцев сразу после войны занимались две структуры разного подчинения: заместителя военного коменданта и заместителя районного военного коменданта. В. В. Рубашкин откровенно говорит о том, что «не представляется возможным установить, в чем именно эти различия состоят» [6, с. 50].

Но этих различий и нет. Это одни и те же должностные лица, только разного уровня подчиненности: комендатура Кёнигсберга и ее районные комендатуры и городские и районные самостоятельные комендатуры на территории будущей Калининградской области.

Аспирант во всех этих тонкостях не разобрался. Он, впрочем, вполне справедливо отмечает, что основополагающий документ, регламентирующий деятельность комендатур в отношении местного населения, — Временная инструкция — «действительно была несовершенной, содержала большое количество неточностей и недочетов» [6, с. 51].

В то же время обвинять штабных работников в каком-то умысле, в халатности, видимо, не стоит. Они делали то, что могли. В годы войны учить делопроизводству было некогда, поэтому документы и оформлялись с ошибками смыслового и юридического характера.

Конечно, их (авторов документов, штабных работников) можно (но нужно ли?) упрекать в некорректности использования тех или иных терминов. Например, «состав» или «структура». Автор статьи указывает, что использование термина «состав» при перечислении отделов Временного управления по гражданским делам требует замены термином «структура». «Под составом же обычно понимается конкретный перечень должностных лиц того или иного органа» [6, с. 48].

Оно, конечно, так, но тогда как понимать, например, указ Президиума Верховного Совета от 7 апреля 1946 г. «Об образовании Кёнигсбергской области в *составе* РСФСР»? (выделено мной. — Г.К.).

Ну и, наконец, следует отметить, что Временное гражданское управление на территории будущей Кёнигсбергской, а затем Калининградской области было создано. Правда, уже за хронологическими рамками статьи Н. Н. Рубашкина, летом 1945 г., когда было упразднено фронтовое управление и вместо него 9 июля 1945 г. создан Особый военный округ.

Командующий войсками военного округа генерал К.Н. Галицкий освободил военные комендатуры от административно-хозяйственной деятельности в регионе. Тогда при Военном совете округа и было создано Временное гражданское управление, которому подчинялись уже все военные комендатуры на территории будущей Калининградской области [5, с. 445].

Список литературы

1. Бирковский В.Г. и др. История края (1945–1950) : учеб. пособие. Калининград, 1984. С. 43–51.
2. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны : Ист. очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996. С. 440–450.
3. Кретинин Г.В. Военные комендатура 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 – май 1945 г.) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 67–75.
4. Кретинин Г.В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население: октябрь 1944 – 9 мая 1945 года // Россия и Балтия / Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2011. Вып. 6 : Диалог историков разных стран и поколений. С. 151–166.
5. Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов [и др.]. Калининград, 2002. С. 443–463.
6. Рубашкин В.В. Создание системы советского государственного управления на территории Калининградской области (апрель – июнь 1945 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №1. С. 46–52.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945). М., 1980. С. 491.
8. О военном положении : указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-ob-oborone/51/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-22-06-1941.pdf> (дата обращения: 11.06.2017).

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

The author

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com